

ЭТО

НЕ ЗАБУДЕТСЯ

ВЕСНОЙ 1928 года М. Горький приехал в СССР из Италии. В клубе им. Кухмистерова на встрече с рабселькорами состоялось одно из первых его выступлений. Пропуска на эту встречу нам устроила редакция журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», в котором печатались наши карикатуры. Главным редактором была М. И. Ульянова. Мы должны были сделать зарисовки с Горького для журнала.

И зал, и президиум, откуда разрешили нам делать зарисовки, были переполнены задолго до приезда писателя. Наконец он вошел под гром аплодисментов — высокий, с южным загаром, в светлом летнем пальто. Весь зал, стоя, долго приветствовал Горького. И тут мы совсем близко увидели его необычайно голубые глаза, седеющий ежик волос и рыжеватые усы.

Начались выступления рабкоров и селькоров. Алексей Максимович внимательно слушал их, покуривая сигарету в длинном мундштуке. Видно было, как он волновался. Особенно растрогала его речь одной немолодой женщины-селькора, очень ярко рассказавшей о своей тяжелой молодости, трудном жизненном пути до революции, о том, кем она стала теперь. Горький, слушая ее, иногда

взглядывал на сидевших в президиуме и, прищелкивая пальцем, говорил:

— Вот это баба!.. Какой народ!

И незаметно вытирал слезы. Когда она кончила и подошла к Горькому поздравить руку, он обнял ее и, поцеловав, сказал:

— Какая вы! Какая вы!..

Алексей Максимович сидел впереди нас, повернувшись в сторону трибуны. Мы делали наброски с него, шаржи.

В перерыве сотрудник редакции провел нас в комнату, где были Горький, М. И. Ульянова, директор Госиздата А. Б. Халатов и другие члены президиума, и показал писателю один из наших рисунков. Посмотрев, он сказал:

— Ух ты, глаз-то у меня, как у ворона!

Сотрудник попросил что-нибудь написать на рисунке. Алексей Максимович ответил:

— Что ж, я напишу, что это — я.

И карандашом крупно написал: «М. Горький».

После перерыва Горький подошел к трибуне. Он рассказал о том, как Алеша Пешков стал писателем Максимом Горьким.

В зале было много молодежи. Даже трибуна была «облеплена» примостившимися вокруг парнями и девушками.

Всем хотелось подойти поближе к Горькому...

Года через три он пригласил нас троих к себе домой на Никитскую для знакомства и беседы. Подробный наш рассказ об этой встрече не раз публиковался в печати, поэтому скажем о ней вкратце. Горький встретил нас по-отечески, внимательно просмотрел карикатуры, плакаты и альбомы шаржей. Мы выслушали его советы относительно дальнейшей нашей работы и интересные рассказы об Италии. Он предложил устроить выставку наших работ. Вскоре после этой встречи прислал написанное им предисловие к каталогу. После открытия выставки в клубе писателей побывал на ней вместе с нами. Алексей Максимович подарил нам много книг и журналов по искусству, карикатуры — целую библиотеку.

Иллюстрируя роман «Жизнь Клима Самгина», мы снова встретились с Горьким после переработки ряда рисунков по его указанию.

...1934 год. Последние наши встречи с Алексеем Максимовичем на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей...

Расположившись рядом с президиумом, мы ежедневно делали зарисовки и шаржи. Однажды он сел рядом с нами и, поздоровавшись, спросил:

— Что ж вы, черти драповые, не звоните? Как дела?

Но мы не решались беспокоить такого занятого человека. Ведь он и так уделил нам столько времени, так помог и воодушевил на новые, более широкие темы. Это не забудется никогда.

Почти каждую новую свою работу в мастерской мы привыкли проверять вполголосом:

— А как бы отнесся к этому Горький?